

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ
ПРОЗА Р О С С И Й С К И Х А В Т О Р О В

С Е М Е Н З Л О Т Н И К О В

КИР

ИСТОРИЯ
ОДНОЙ МЕСТИ

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ
ПРОЗА РОССИЙСКИХ АВТОРОВ

Москва
2017

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
3-68

Художественное оформление
Петра Петрова

Злотников, Семен Исаакович.
З-68 Кир / Семен Злотников. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 288 с. — (Интеллектуальная проза российских авторов).

ISBN 978-5-699-99550-9

История Кира, похищенного еще младенцем смертельно оскорбленной женщиной и возвращенного в непримиримой ненависти к собственным родителям, произошла из библейской истории о двух бедных самаритянках, которые с голоду сговорились съесть собственных младенцев. В общем, съели одного, а когда дошла очередь до второго, несчастная мать воспротивилась... (4 Книга Царств, гл. 5, 6). Географически действие романа разворачивается в Москве и, как говорится, далее везде, и довольно таки своеобразно живописует о фатальном участии Кира в знаковых событиях XX столетия. Кир, история одной местности...

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-699-99550-9

© Злотников С., 2017
© Оформление. ООО
«Издательство «Э», 2017

История одной мести

Копенгаген. 2013-й год. Премьера пьесы «Дурацкая жизнь».

После дружеского банкета с артистами и гостями режиссер Олуф Харальд пригласил меня в свой кабинет, где после рюмки-другой прохладного аквавита показал толстенную тетрадь с густо исписанными страницами. На русском языке.

– Сам Бог послал мне тебя, – отчего-то волнуясь, произнес Олуф. И пояснил, что с полвека назад осужденный на смерть человек по имени Кир доверил его деду Кнуду Харальду неоконченную рукопись. Историю своей жизни. Фактически исповедь. И прошептал на ухо последнее признание. Собственно, то, о чем умолчал на суде и чего сам записать не успел. Или не смог! Так что, волей судеб, заключительная глава этого исповедального повествования – может быть, самая трагиче-

ская! – была записана со слов автора, уже после его гибели. Дед Кнуд, по словам Олуфа, холодел при воспоминании о страшной тайне, доверенной ему Киrom.

После ухода Кнуда Харальда из жизни рукопись перекочевала к его сыну Эрику Харальду, а затем и к внуку. Как истинный человек искусства Олуф не удержался и на собственные средства перевел исповедь Кира на датский язык и даже издал небольшим тиражом. Просто, как он объяснил, из уважения к истории, ставшей семейным преданием.

– Это, может, единственный случай в мировой мемуарной практике, – заметил Олуф, – когда книга дописана человеком, никогда не читавшим ее целиком.

Так, пробудив мое любопытство, он предложил мне подумать о пьесе, основанной на исповедальных записях Кира. Разумеется, если они меня впечатляют.

Замечу, что любое практическое предложение, исходящее от театра (тем более зарубежного), для драматурга важно и лестно. По возвращении домой я самым внимательным образом ознакомился с рукописью. И не один раз. С каждым прочтением меня все больше поражала невероятная судьба ее автора. Казалось, сам Бог послал мне такой сюжет и героя, которому невольно сочувствуешь.

Впрочем, спустя какое-то время, измучившись, я позвонил Олуфу и признался в своем бессилии

написать для театра пьесу по мотивам исповеди Кира. Тут нужен Шекспир, сказал я.

Между тем эта трагическая история уже поселилась во мне и будоражила мое воображение. Размышляя о Кире, я вспоминал судьбы библейского Давида, античного царя Эдипа, новозаветного Иисуса Христа – тоже сполна вкусивших тяжких испытаний, уготованных человеку в нашем мире.

Тут, пожалуй, стоит заметить, что не все из описанных Киrom исторических событий (вроде, похорон Сталина и некоторых других) так уж буквально совпадают с комментариями по ним же в учебниках по отечественной истории второй половины XX века. Но и тут я соглашусь с ирландским философом-пантеистом Иоанном Скотом Эриугеной, сравнившим историю людей с переливающимся множеством оттенков павлиньим хвостом. Сколько людей, полагал он, столько на самом-то деле историй!

И вот, наконец, русский вариант книги Кира публикуется в первоизданном виде, без последующих «датских примесей». Естественно, с благословения любезного Олуфа Харальда.

Семен Злотников

1 | Я знаю, мне нет оправдания, и пишу эту исповедь не потому, что ищу прощения. Нет кары, соразмерной тому злодеянию, что я совершил — пускай по неведению, пусть по злой воле.

Коварство, проклятье и рок — лишь слова, неспособные передать и сотой доли несчастий, доставшихся мне от рождения.

Пережитое мною с трудом способно поместиться в судьбе обычного человека.

О, если бы мне до всего намекнули, что ждет меня впереди, — я бы тут же сказал: перебор!

И тогда бы взмолился: увольте!

Теперь, когда все позади, остается вопрос, ответ на который, возможно, получу по ту сторону жизни: за что мне были посланы такие испытания?..

2 | Сразу должен предупредить случайного читателя этих записок, ищущего отдохновения или веселья: увы, ни того, ни другого он в них не найдет — разве что голую правду о жизни, не приукрашенную одеждami художественного вымысла.

В тесной клетке без окон, с двойными стальными дверями самой зловещей тюрьмы Дании — фантазии не идут на ум: не до них мне!

Навряд ли разумно с моей стороны пытаться вернуться к истокам собственной жизни и заново переживать ее ужасы, но — все же это лучше уныния монотонного ожидания конца...

3 | Итак, меня зовут Кир, и родился я не сегодня.

Лист с дерева случайно не слетает — и уж тем более имя к человеку так просто не прилепляется.

Как ни лестно мне было представлять себя некой далекой реинкарнацией древнего победоносного царя Кира, привет мне скорее был послан от Кира — святого мученика.

Родного отца я в глаза не видел — почти всю свою жизнь, до того самого рокового дня...

Мать моя посвятила мне жизнь: замуж не шла, мужчин или подруг до себя не допускала и даже на работу — дворничихой в нашем дво-

ре — отлучалась исключительно по ночам, куда я спал.

Сразу скажу, что **она** на меня никогда не кричала.

Тем более даже пальцем не тронула.

Но и доброго слова — увы! — от **неё** я не слышал.

Мы с **нею** практически не разлучались.

Общались едва односложно и по необходимости.

И пользовалась **она** преимущественно повелительными глаголами, я же — неуверенными наречиями.

Сестер или братьев мне Бог не послал, о чем я не раз сожалел.

Любая попытка обзавестись дружочком в образе кошечки или щенка (*молчу про соседских детей*) **матерью моей** пресекалась решительно и на корню.

— Посторонние нам ни к чему, Кир! — произносила **она** тягуче, пронизывая меня, как рентгеном, тяжелым взглядом своих немигающих глаз цвета дождевой воды, и прибавляла: — Ради тебя одного, Кир, живу, уж поверь!

Полные света слова — *ради тебя одного живу!* — отчего-то при этом звучали с угрозой.

В первый класс я пошел в восемь лет, с опозданием на год — все по той же причине: **мать моя** не желала со мной разлучаться.

Но и там я садился у окна, чтобы **она** могла меня видеть, стоя через дорогу от школы, в скудной тени засохшего ясеня.

Во все мои ученические годы **она** ни разу не отлучилась с поста у мертвого дерева.

И сколько **её** ни просили не мучить меня и себя — **она** продолжала стоять, как стояла, и неотрывно глядела в мою сторону.

Поскольку все просьбы и мольбы ничем не кончались — в конце-то концов **её** и оставили в покое.

Не раз и не два доводилось мне слышать: «вот мать!», «вот безумная мать!», «вот не мыслит жизни без сына!», «вот это любовь!».

Люди ошибались...

Я и теперь, спустя вечность, мог бы вспомнить любую морщинку на **её** некрасивом и непроницаемо угрюмом лице, по памяти перечесать следы от царапин, порезов или ожогов на **её** крепких, жилистых руках и даже число заусениц вокруг обкусанных ногтей — но я не припомню, когда бы **она** из-за меня потеряла голову.

За годы, что мы с **нею** прожили в тесной камерке, я много раз видел, как она улыбалась во сне, но — никогда наяву.

Безумной **она** не была и хотела всегда одного: не потерять меня из виду!

И потом, на протяжении всей моей жизни, **её** безмолвная тень неизменно следовала

за мной, и не было дня или мгновения, когда бы я не ощущал её присутствия — находился ли я рядом или за тысячи километров от неё...

4 | Я так никогда и не спросил у неё: любила ли она меня хоть сколько-то и хоть когда-нибудь (*должно быть, из боязни услышать: нет!*).

По той же причине, наверно, и сам я не пытался определить свое чувство к ней — если можно назвать этим словом мое состояние абсолютной зависимости от неё.

Я только денно и ночью помнил о ней (*помнил, не вспоминал!*) и всегда был предельно чуток к любым её проявлениям в мой адрес — будь то недовольный вздох, выражение глаз, нечаянное касание или окрик.

Еще в раннем детстве я пристрастился мысленно рисовать насекомых, птиц, зверей, каких видел и знал; всякий раз, помню, я пририсовывал к туловищу муравья, стрекозы, кошки или вороны до боли знакомую женскую голову.

Или, решая задачу, я выходил на дорогу из пункта «А» и всегда точно знал, кто движется мне навстречу из пункта «Б».

Я мог бесконечно петлять и кружить — мы с ней неизменно встречались!

Когда я разглядывал в микроскоп икринки лягушек, первое, что я представлял — её на

моем месте у окуляра и себя на предметном столике на месте икринки: холодный зрачок её глаза с другой стороны микроскопа, многократно увеличенный, казался мне фантастическим чертовым колесом.

Смотрелся ли я в зеркало, или глядел на огонь, или заглядывался на облака — всюду мне рисовались знакомые черты...

5 | Жизнь состоит из бесконечного времени, наполненного иллюзиями и заблуждениями, и редких прозрачных мгновений ясности и простоты.

Иногда я отчетливо понимал, что иначе как гипнотическим мое состояние не назовешь.

На **неё**, как на солнце, я не мог глядеть: у меня темнело в глазах.

Любое слово, произнесенное **ею**, казалось откровением, содержание которого мне предстояло разгадать.

Для меня было важно, что и как **она** обо мне подумает, и если я чего и страшился больше всего на свете — так это её разочарования во мне.

Поступки, которые я совершил в этой жизни (*как и проклятья, что я заслужил!*) — я совершил только потому, что **она** так хотела.

И все мои устремления, сколько их было, получается, не стоили ломаного гроша!

И всего лишь недавно я по-настоящему осознал чудовищный план моей жизни, рожденный в её изощренном мозгу.

Она фактически прожила мою жизнь вместо меня.

Я был в этом мире всего лишь слепым орудием в руках смертельно оскорбленной женщины, жаждущей отмщения...

6 | Ютились мы в дворницкой — девятиметровой комнате под самой крышей.

В квадратном окошке плавало небо, по сто раз на дню менявшее краски и настроения — от безоблачно-синего или радостно-розоватого до уныло-серого или тоскливо-свинцового.

На грязной стене надо мной в черной деревянной рамке висела старая семейная фотография с изображенным на ней огромным семейством, и сразу под нею тушью коряво начертанное, грозное пророчество от самого Исаяи: «Выпьешь до дна чашу ярости моей!»

Пока я был маленький, я не понимал, для кого оно предназначалось, а когда наконец осознал — уже было поздно...

Перевернутый вверх дном ящик из-под египетских фиников служил нам обеденным столом, на старой косолапой вешалке висели мои самопальные парусиновые штаны, рубашонка